

Слава вечная героям

Николай Перовский

Аппассионата

(баллада)

Он слышал в ней и птиц весенних трели, и выстрелы сверхмощной батареи, и что-то непонятное, большое, зовущее и к жизни, и на бой!
И он бежал к учительнице:
— Что это?
А дома мать качала головой.
Он с неохотой ехал в дальний город — скучал по матери, далекому селу...
Потом профессора негромкий голос:
— У вас, мой мальчик, абсолютный слух. И он спешил...
Он через месяц ровно играть ее профессору пошел.
— О нет, мой мальчик, это не Бетховен. Сыграйте-ка мне гамму «до мажор». А пальцы продолжали оступаться. Профессор был спокоен и назойлив, но он играл, натруживая пальцы, не замечая времени и боли!

Война...
Он видел сам, как из-за леса на город налетели самолеты и как лежал недвижимый профессор, бинтами, точно саваном, обмотан...
А рядом — высеченный из гранита, взрывною силой сброшенный Бетховен, казалось, небу знойному грозит он своей могучей каменной рукою!

Привыкшие к нагрузке непомерной, к работе изнурительной и нервной, чувствительные руки пианиста освоились с винтовкой очень быстро. Но снился по ночам не раз солдату на много тысяч мест концертный зал, где он играет «Аппассионату», и он, проснувшись, вытирал глаза. Он видел столько горя, столько крови. Россию и Европу он прошел, он немцев бил за немца, за Бетховена, как «бил» когда-то гамму «до мажор».

Он не играл. Он думал, что, наверно, ему теперь и гамму не суметь. Но вот в полуразбитом доме Вены старинный отыскался инструмент. Солдаты усмехались:
— Заваливший!
Не тронь его — он сам «сыграет в ящик»!
Хозяйка дома, поклонившись низко, «Сыграйте!» — попросила пианиста. Он подошел к роялю неуверенно, подвинул — тоже старый — венский стул. Солдаты так затихли, как, наверно, не замирали даже на посту. А пианист сидел прямой и бледный, и руки.

огрубевшие в боях, вдруг поднялись и с плавностью балетной тиконько опустились на рояль...
Рояль запел...
Негромко, старомодно...
И был таким просыпшим первый звук, как будто жил рояль сто лет голодный без этих огрубевших в битвах рук.
Не шелохнувшись, слушали солдаты, винтовки почему-то сняв с плеча, а зал уже гремел «Аппассионатой», и мир уже Бетховеном звучал.

А за окном вставало солнце мая, и звуки уносились за окно, и люди все друг друга понимали, любили и стояли заодно!

Библиотекарша

Она нам казалась ужасно богатой, библиотекарша детской колонии, окруженная греческими богами, мушкетерами и ковбоями.

Она приходила до грусти усталая, на гвоздик пальто свое старое вешала, смотрела на полки, плотно заставленные, и улыбалась вежливо.

Она закигала нас Горьким и Лондоном и заставляла грустить над Чеховым. ... Она жила в эти годы голодная, и дети ее голодали — четверо...

Дети, серьезные не по возрасту, ждут свою маму с дровами, с продуктами, ждут каждый день и невесело возятся в квартире, ветрами войны продутой.

Она ждала, забывая про голод, ждала и верила безгранично. И муж вернулся в маленький город. Вернулся... и встал на камень гранитный!

Она незаметно, но твердо боролась, чтоб стали мы честными, стали мы добрыми. А мы ей носили дрова ворованные... когда ее не было дома.

Баллада о краху хлеба

Памяти Павла Мелехина

Как поработал надо мною тиф!
Совсем освободил меня от плоти, но, в ангела меня не обратив, едва не сделал дьяволом, напротив...
Мне снился хлеб, мне снилась кукуруза, узбекский плов, дунганская лапша, я превратился в страждущее пузо, и поросла бильем моя душа.
А за стеною, в девичьей палате, остриженный барашек с желтым лбом, глаза да кости, вешалка в халате, впечатанная в память, как в альбом...

По коридору двигался солдат... На костылях, в обвиснувшей шинели, глаза его запавшие синели:
— А ну, посторожи котомку, брат... Он скинул вещмешок и в прощальный ушел на перевязку кабине...
Ударил запах хлеба, стало душно, поплыл перед глазами белый свет...

С краху под халатом и под мышкой.

с безумным, как и я, дурным мальчишкой, мы вызвали соседа в коридор и, спотыкаясь, кинулись во двор... Мы ей признались... И она ногами затопала, завывла: — Ур-ка-га-ны-ы! Проклятые фашисты! Дураки-и-и! Ее слова разлили, как плески...

А мы катались в молодой крапиве, мы плакали, стонали и вопили, и уронивший костыли солдат, пытался сесть, свалился рядом с нами, легонько нас состужнул головами и зашептал-заплакал:
— Так-то, брат...

Война

За войсками идут фуражиры — всех и всяческих войн старожилы. Без кондэра солдату хана, а какая война без вина?!

За войсками идут проститутки, по прохладу плетутся штабы, наслаждаясь дымком самокрутки, ремонтёры сбивают гробы.

За войсками идут мародёры, познаноют мертвецкий барыш и божжи, и могильные воры, и хозяева банков и бирж.

За войсками идут, за войсками инженеры, поэты, врачи, летописцы в обнимку с веками... Все мы жертвы и все палачи.

Сапоги

Памяти Степана Климова

Выходя из окружения с командиром на руках, принимал солдат решения, в сапоги упрягав страх. То он шел лесными тропами, то на брюхе полз, как мот между вражьими окопами

пробирался без сапог.

В полевой доставил госпиталь командира своего, помнил словечком Господа, будто веровал в него. А когда свою дивизию отыскал, полуживой, навели ему ревиэно:
— Драпанул с передовой?

Он страдал косноязычием:
— Осрамился... Виноват... По закону, по обычаю уперли его в штрафбат... По планете, словно по полю, сохраняя зелень, сапоги его протопали до сегодняшнего дня!..

День Победы

... Как раз мы были заняты едой, когда, ушастый, рыжий и худой, влетел дежурный, криннул:
— Пацаны! Конец войны! Эй вы, конец войны!

И все смешалось, грянуло «Ура!», и эхо докатилось до двора. Из кухни воспитатель:
— Вы чего? Мы, хохоча, глядели на него...

Мы в эти годы грезили едой... Швыряли миски с тыквенной бурдой! Горбушки по карманам — и айда куда-нибудь на улицу, туда, на снеговой Тянь-Шань, на белый свет, где нет войны, где смерти больше нет!

Ревела Чу в булыжных берегах, саманные домишки и бараки вывешивали праздничные флаги и бредили на разных языках: на русском, на казахском, на иньх наречиях Советского Союза... Да что язык — он стал почти обузой. Победа породила новый язык — тот самый, что важнее и ярче слов: язык улыбок, слез, внезапных жестов... Вон пастушок растерял коров, А вон марджик* сияет, как невеста! Седой солдат беаногий инвалид, детдомовцам сует буханку хлеба, он плачет и смеется (жуткий вид!), и, забывая, что и где болит, он костылями салютует в небо!

Не площадь... Не перрон... Сплошной базар! Чалмы, чубы, фуражки, тубетейки... Вон укротитель с плющущею змейкой, а вон канатоходец из Джунгар!

Сияло солнце в этот майский день, шлепа в садах дунганская сирень, роняли пух на землю тополя, и пела и звенела вся земля!

*Марджик — бабушка (казахск.).